

ISSN 2522-4077 (Print)
ISSN 2522-4085 (Online)

**МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
ЦЕНТРАЛЬНОУКРАЇНСЬКИЙ ДЕРЖАВНИЙ ПЕДАГОГІЧНИЙ
УНІВЕРСИТЕТ ІМЕНІ ВОЛОДИМИРА ВИННИЧЕНКА**

НАУКОВІ ЗАПИСКИ

**Серія:
Філологічні науки**

Випуск 164

*35-річчю факультету іноземних мов ЦДПУ
присвячується*

м. Кропивницький
«КОД»
2018

ISSN 2522-40-77 (Print)
ISSN 2522-4085 (Online)

Наукові записки. - Випуск 164. - Серія:
Філологічні науки – Кропивницький:
Видавництво «КОД», 2018. – 598 с.
ISBN 978-617-653-038-1

До Наукових записок увійшли статті, присвячені дослідженню актуальних питань соціолінгвістики, лінгвокогнітивістики, лінгвоконцептології, лінгвокультурології, етнолінгвістики, тексту та дискурсу, теорії та практики перекладу на матеріалі слов'янських, германських і романських мов.

Збірник розрахований на наукових працівників, викладачів, студентів філологічних факультетів, учителів-словесників.

Рецензенти:

Іваницька М.І., доктор філологічних наук, професор (м.Київ);
Черноватий Л.М., доктор педагогічних наук, професор (м. Харків)
Бялик В.Д., доктор філологічних наук, професор (м.Чернівці);
Мізін К.І., доктор філологічних наук, професор (м.Переяслав-Хмельницький).

Іноземні рецензенти:

Ріхард Йозеф Бруннер, доктор філософії *habilitation*, професор (Ульм, Німеччина);
Артур Творек, доктор філософії *habilitation*, професор (Вроцлав, Польща).

РЕДКОЛЕГІЯ:

1. Семенюк Олег – доктор філологічних наук, професор, ректор Центральноукраїнського державного педагогічного університету імені Володимира Винниченка (головний редактор).
2. Ключек Григорій – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри української літератури ЦДПУ імені Володимира Винниченка (заступник головного редактора).
3. Гурбанська Антоніна – доктор філологічних наук, професор, директор Інституту журналістики і міжнародних відносин Київського національного університету культури і мистецтв.
4. Іліаді Олександр – доктор філологічних наук, професор кафедри методик дошкільної та початкової освіти ЦДПУ імені Володимира Винниченка.
5. Ковтюх Світлана – кандидат філологічних наук, професор, завідувач кафедри української мови ЦДПУ імені Володимира Винниченка.
6. Лучик Василь – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри загального і слов'янського мовознавства Національного університету “Києво-Могилянська академія”.
7. Манакін Володимир – доктор філологічних наук, професор.
8. Міщенко Алла – доктор філологічних наук, доцент кафедри перекладу, прикладної та загальної лінгвістики ЦДПУ імені Володимира Винниченка.
9. Михида Сергій – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри зарубіжної літератури та компаративістики, проректор з наукової роботи ЦДПУ імені Володимира Винниченка.
10. Ожоган Василь – доктор філологічних наук, професор, віце-президент з науково-педагогічної (навчальної) роботи Національного університету “Києво-Могилянська академія”.
11. Панченко Володимир – доктор філологічних наук, професор.
12. Паращук Валентина – кандидат філологічних наук, професор кафедри германської філології ЦДПУ імені Володимира Винниченка.
13. Первеке Андрій – доктор філологічних наук, професор центру інноваційних освітніх технологій Псковського обласного інституту підвищення кваліфікації працівників освіти (Росія).
14. Руснак Ірина – доктор філологічних наук, завідувач кафедри української літератури та компаративістики Інституту філології Київського університету імені Бориса Грінченка.
15. Білоус Олександр – кандидат філологічних наук, професор, декан факультету іноземних мов ЦДПУ імені Володимира Винниченка (відповідальний за випуск).

Друкується за ухвалою вченої ради
Центральноукраїнського державного педагогічного університету імені Володимира Винниченка
(протокол № 6 від 29.01.2018 року).

Статті подано в авторській редакції

ISBN 978-617-653-038-1

© Центральноукраїнський державний педагогічний
університет імені Володимира Винниченка, 2018
© Видавництво «КОД», 2018

21. Trudgill P. Sociolinguistics: An introduction to language and society. Penguin UK, 2000. – 204 p.
22. Victor T., & Dalzell T. The concise new Partridge dictionary of slang and unconventional English. Routledge, 2007. – 760 p.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Катерина Бондаренко – кандидат філологічних наук, доцент кафедри перекладу, прикладної та загальної лінгвістики Центральноукраїнського державного педагогічного університету імені Володимира Винниченка.

Наукові інтереси: соціолінгвістика, лексикографія, психолексикографія, зіставна лексикологія.

УДК 81'255.2.

КЛЮЧЕВАЯ РОЛЬ НЕМЕЦКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕВОДОВ В РАННЕМ ЕВРОПЕЙСКОМ ВОСПРИЯТИИ ДОСТОЕВСКОГО¹

Питер БУЛОНЬ (Льовен, Бельгия)

Стаття спрямована на краще розуміння динамічних прихованих процесів літературної канонізації шляхом висвітлення усіх умов перекладу, які сприяли відкриттю Європою Ф. Достоевського, і які часто ігноруються. По-перше, розглядаються німецька та французька літературні полісистеми, які лідуєть у популяризації письменника за кордоном. Паралельні тексти найбільш впливових німецьких та французьких перекладачів Ф. Достоевського вказують на те, що вони відчували тиск щодо представлення важливих макроструктурних та мікротекстових зсувів у їх перекладі. Шляхом вилучення неприємних елементів в німецькому перекладі Raskolnikov (1882) та у французьких перекладах *Le crime et le châtiment* (1884), *L'esprit souterrain* (1886) and *Les frères Karamazov* (1888), вони роблять внесок у створення образу Достоевського лідером усіх ображених та принижених. По-друге, приділяється увага європейським літературам, які приєдналися до рекламування Ф. Достоевського. Внаслідок їх залежності від домінуючих літератур, вищезгадані французькі та німецькі переклади Ф. Достоевського були перекладені декількома європейськими мовами. Ставиться під сумнів той факт, що хоча велика увага приділялася перекладам творів Ф. Достоевського в Європі не можна стверджувати, що французьке захоплення російським романом 1880х є результатом вторгнення в Росію війська Наполеона. Як раз навпаки, раннє відкриття Європою Ф. Достоевського краще описується як анексія Францією російського письменника.

Ключові слова: теорія описового перекладу, теорія полісистем, сприйняття, літературна канонізація, переклад, спрямований на абсолютне сприйняття, непрямий переклад, Достоевський, Vogüé, Halpérine-Kaminsky, Henckel.

This paper aims at a better understanding of the dynamics underlying processes of literary canonization, by shedding light on the all too often neglected translational conditions that have contributed to Europe's discovery of Dostoevsky. Firstly, the German and French literary polysystems, which took the lead in the writer's popularization abroad, are dealt with. Paratexts by the most influential German and French translators of Dostoevsky indicate that they felt pressured to introduce important macro-structural and micro-textual shifts to their translations. By eradicating the disturbing elements in the German translation Raskolnikov (1882) and in the French translations *Le crime et le châtiment* (1884), *L'esprit souterrain* (1886) and *Les frères Karamazov* (1888), they contributed to the construction of Dostoevsky as the gloomy champion of the humiliated and insulted. Secondly, the focus shifts to the European literatures that jumped on the bandwagon of the Dostoevsky hype. As a consequence of their subordination to the leading literatures, the above-mentioned acceptability-oriented French and German Dostoevsky translations were translated into a variety of European languages. It is argued that, given the significant shifts in the translations that are responsible for Dostoevsky's European breakthrough, it no longer seems appropriate to imagine the French hype of the Russian novel of the 1880s as the Russian revenge for the Napoleonic invasion. Quite the reverse, Dostoevsky's early European discovery is better described as France's annexation of the Russian writer.

Key words: Descriptive Translation Studies, Polysystem Theory, reception, literary canonization, acceptability-oriented translation, indirect translation, Dostoevsky, Vogüé, Halpérine-Kaminsky, Henckel.

1. Введение: покорение Европы русским романом?

В сегодняшнем каноне мировой литературы русские романы представлены особенно хорошо. Однако на протяжении большей части XIX века ведущие европейские критики если и обсуждали русских романистов, то видели в них лишь слабую имитацию западных моделей. Русская литература XIX века оставалась внутренним делом России. Этот тезис применим даже к Достоевскому, который теперь является одним из самых читаемых,

¹ Данная статья основывается на исследовании на тему ранних европейских переводов произведений Достоевского мной изложенном на английском языке в статье «Europe's Conquest of the Russian Novel. The Pivotal role of France and Germany» (Boulogne 2015).

цитируемых и влиятельных писателей всех времен. При его жизни была предпринята всего лишь одна попытка познакомить с ним европейского читателя посредством перевода книги: в 1864 году в Лейпциге вышел анонимный немецкий перевод «Записок из мертвого дома». Характерно, что с коммерческой точки зрения это был провал (см. Zabel 1884 [p. 333]).

Считать, что пантеон европейских литератур может легко обойтись без Достоевского, перестали вскоре после его смерти. В течение первого же десятилетия он обрел мировую славу, и это было тем более важно, что с открытием его творчества связано самое начало европейского признания русской реалистической литературы как целого. Через открытую для него дверь в центр внимания Европы выйдут Толстой, Чехов, Андреев и многие другие, в том числе уже позабытые, соотечественники. Это внезапное открытие русской литературы было столь энергично, что для его описания с самого начала использовались военные термины: к концу XIX века стало общим местом воображать «вторжение русских во французскую литературу» как реванш за наполеоновскую осаду Москвы в 1812 году (см. Hemmings 1950 [p. 1]).

Ассоциация между модой на русскую литературу и наполеоновской войной была связана, возможно, с тем фактом, что одним из романов, сыгравших ключевую роль в этом прорыве, был роман «Война и мир». В эпилоге к нему Толстой размышляет о том, как происходят исторические процессы. Он приходит к выводу, что знать точную причину войн и революций невозможно. Без сомнения, это применимо *mutatis mutandis* и к истории культуры. Что за силы позволили русским романистам во главе с Достоевским вторгнуться в Германию и Францию, захватить читательские умы и начать революцию в принимающих культурах – не вполне понятно. Можно, однако, выделить ряд политических, социальных и литературных обстоятельств, способствовавших покорению Европы русским романом. В этой статье речь пойдет о слишком часто упускаемых из виду факторах переводческого дела. В первой части – о литературах-инициаторах моды на Достоевского, а именно о немецкой и французской литературных полисистемах,¹ во второй части – о литературных полисистемах, последовавших их примеру.

2. Литературы-инициаторы

В 1880-х годах, менее чем за одно десятилетие, Достоевский был выведен из безвестности в центр немецкой и французской литературных полисистем. Это произошло оттого, что критики представили его как ангажированного писателя, чья филантропия позволит уберечь немецкую и французскую литературы от кризиса. В Германии Достоевского популяризировало движение так называемых немецких натуралистов, которым надоело претенциозно-изысканные описания, восхваляющие Германскую империю (см. Мое 1981). Они жаждали литературы нового типа, которая проявила бы неподдельное внимание к социальным уродствам внутренней политики Бисмарка. Во Франции влиятельнейший критик Вогюэ возложил вину за утрату престижа французской литературой на догматичный и безнравственный натурализм, захвативший парижскую литературную сцену. Он заключил: чтобы обезопасить себя от дальнейшего падения, французская литература нуждается в основательном исправлении, которое способны дать ей русские романисты вообще и Достоевский в частности (см. Vogüé 1886 [p. xxiv]).

Хотя в Германии и Франции его превозносили как поборника униженных и оскорбленных, это не значит, что творчество Достоевского высоко ценили во всех его аспектах и проявлениях. Как раз напротив: ведущие немецкие и французские критики соглашались, что Достоевский страдает многословием, что его стилю не достает изящества и что после «Преступления и наказания», особенно в «Братьях Карамазовых», его талант оскудел. В то же время едва ли кого-нибудь интересовало по-настоящему его незаурядное чувство юмора, религиозно-философские устремления или полифонический стиль. При таком весьма избирательном подходе не удивительно, что первая волна немецких и

¹ Термин «литературная полисистема» принадлежит израильскому переводоведу Итамару Эвен-Зохару, автору полисистемной теории. «Полисистема» определяется им как «система нескольких систем, которые перекрещиваются и частично совпадают друг с другом, используя одновременно различные возможности, но функционируя при этом как единое структурное целое, части которого находятся во взаимной зависимости» (см. Even-Zohar 1979 [p. 290]).

французских переводов из Достоевского содержит заметные изменения по сравнению с соответствующими русскими текстами-источниками – как на микротекстовом, так и на макроструктурном уровнях.

Если говорить в целом, то по сравнению с французскими переводчиками произведений Достоевского немецкие переводчики больше заботились о макроструктурной адекватности. И все же некоторые немецкие переводы из Достоевского также были значительно сокращены. Например, в немецкой версии «Униженных и оскорбленных» («*Erniedrigte und Beleidigte*», 1890)¹ несколько глав оригинала были попросту опущены. Тот факт, что переводческая норма макроструктурной адекватности не всегда разделялась всем рецептивным сообществом в Германии, нашел отражение в рецензии, последовавшей за публикацией перевода «Братьев Карамазовых» («*Die Brüder Karamasoff*»). Критик – им был Вальдмюллер – сожалел, что перевод столь многословного романа не был сокращенным (см. Waldmüller 1885 [p. 568]).

На микротекстовом уровне первые немецкие переводы из Достоевского были в некоторых отношениях нацелены на приемлемость в ущерб прагматической эквивалентности. Наиболее поразительные изменения касаются сатирического отношения Достоевского к немцам как нации, самые резкие проявления которого были убраны (см. Boulogne 2016). Так, бурная сцена в полицейском участке, когда русский студент Раскольников становится свидетелем жалобы пышной немки – содержательницы борделя, во многом теряет свое остроумие в «Раскольникове» («*Raskolnikow*», 1882). С одной стороны, это сокращение вызвано технической трудностью, с которой связан перевод сатиры Достоевского, направленной на немцев и в значительной степени основанной на сложном использовании разноязычия (см. Boulogne 2012). С другой стороны, очевидно, что переводчик сознательно старался убрать или хотя бы смягчить эту сатиру: в предисловии к своему «Раскольникову» Хенкель извиняется за то, что «автор систематически изображает героев романа, носящих немецкие имена, в нелепом или гнусном виде», и вслед за этим заверяет читателя, что с целью избежать этой грубости он «кое-что смягчил, а кое-что убрал» (Henckel 1882 [pp. vii-viii]).

Самого продуктивного французского переводчика Достоевского – Гальперина-Каминского – макроструктурная адекватность не волновала вовсе. Наиболее коммерчески успешные его переводы: «Подпольный дух» («*L'esprit souterrain*», 1886) и «Братья Карамазовы» («*Les frères Karamazov*», 1888) – оба выполненные совместно с малоизвестным поэтом Морисом – прекрасно соединяются с классицистской традицией «неверных красавиц» (*belles infidèles*). Эти два случая одинаково впечатляющи. Хотя «Подпольный дух» долгое время считался переводом философской повести Достоевского «Записки из подполья» (1864), в действительности он представляет собою смесь сокращенной версии «Записок...» и волшеббно-сентиментальной повести досибирского периода «Хозяйка» (1847). Эти два произведения, хотя и совершенно разные по стилю и содержанию, представлены в «Подпольном духе» как две части одного романа. Эти части названы по именам героинь двух разных текстов-источников: «Лиза» и «Катя». Чтобы замаскировать разрыв между частями, Гальперин-Каминский и Морис соединили главных героев того и другого произведений в одного – Ордынова. Для того чтобы оправдать разительную перемену в его характере (главный герой «Хозяйки» – романтический мечтатель, тогда как «подпольный» человек – циник-мизантроп), между частями были добавлены три связующие страницы, на которых эта психологическая трансформация кратко объяснялась устами повествователя.

Как показывает Хеммингс (1950 [pp. 227-238]), в сравнении с русским текстом-источником французская версия «Братьев Карамазовых» («*Les frères Karamazov*», 1888) также оказывается в большой степени неадекватным в макроструктурном плане переводом. Не только был изменен порядок вступительных глав, а около тридцати глав были целиком или почти целиком опущены, но также и оригинальный эпилог был дополнен шестью главами, порожденными необузданной фантазией переводчиков. Достоевский оставил «Братьев Карамазовых» с открытым финалом: смутные планы Алёши по вызволению брата

¹ В приложении указываются все переводы, которые названы в статье и которые послужили материалом для генеалогических и иных дескриптивных исследований.

Дмитрия из тюрьмы остаются в романе не реализованными. Однако в счастливой концовке французской адаптации Алёша находит способ исправить ошибку правосудия. Переодевшись крестьянами, он и распущенная Грушенька ухитряются освободить Дмитрия. Вместо побега Алёша добровольно занимает место брата в тюрьме, где ему является его учитель Зосима. Когда Алёшу разоблачают, против него начинается судебный процесс. Он защищается столь красноречиво, что присяжные заливаются слезами. В кульминационный момент девушка Лиза, которая до того была калеккой в кресле-каталке, безо всякой помощи входит в зал суда. Она указывает на Алёшу и кричит: «Он спас меня!» (Dostoevsky 1888 [p. 295]). Под бурные аплодисменты ее чудесное исцеление приписывается Алёше, которого признают невиновным и который забирает Лизу домой в качестве невесты. Все, что остается воображению читателя, – это то, как жили они долго и счастливо.

В Германии и во Франции микротекстовые и макроструктурные изменения, характеризующие переводы под названиями «Раскольников» (1882), «Подпольный дух» (1886) и «Братья Карамазовы» (1888), остались незамеченными. Единственное исключение связано с Андре Жидом. В статье, напечатанной в «Фигаро» в 1911 году, он обвинил Гальперина-Каминского и Мориса в искажении русского писателя. В 1920-е годы эта оценка вновь прозвучала в знаменитом сборнике Жиды «Достоевский», и Гальперин-Каминский решил в свою защиту назвать причины, побудившие его выбрать такую стратегию перевода (см. Halpérine-Kaminsky 1929 [pp. i-xxviii], 1932 [pp. 13-14]). Суть объяснения заключалась в том, что французский читатель был пока не готов к неотшлифованному Достоевскому; что для того, чтобы дать ему шанс на французском книжном рынке, было необходимо смягчить столкновение двух культур. Более того, он заверял, что Достоевский сделался во Франции широко почитаемым автором именно благодаря его адаптациям, ставшим во Франции «классическими произведениями» (Halpérine-Kaminsky 1929 [p. xxvii]).

В результате переводческого творчества Гальперина-Каминского и Мориса масса читателей познакомилась со своеобразными книгами Достоевского, но лишь в сильно сокращенной и упрощенной форме. Разумеется, это имело решающее влияние на интерпретацию обсуждаемых произведений. Так, Ницше открыл для себя Достоевского через «Подпольный дух» («L'esprit souterrain», 1886), найденный им в 1887 году в одном из книжных магазинов Ниццы. Как следует из его писем, он пребывал под сильным впечатлением от «совершенной психологической микроскопии» Достоевского (см. Nietzsche 1984 [p. 75]). Однако он совсем не понимал, что Достоевский написал «Записки из подполья», как пародию на утилитарный роман «Что делать?», принадлежащий перу его современника Чернышевского (см. Frank 1997 [pp. 332-343]). Таким образом, широко известное влияние Достоевского на Ницше было, по меньшей мере отчасти, влиянием французских переводчиков.

3. Литературы-последовательницы

Если немецкой и французской полисистемам, чтобы принять русскую литературу вообще и Достоевского в частности, понадобился кризис, то в случае с другими европейскими литературами дело обстояло иначе. Самого факта, что автору «Преступления и наказания» благоволят ведущие французские и немецкие критики, чей авторитет распространяется за пределы их стран, было достаточно, чтобы переводить, читать и обсуждать его – пусть даже в качестве французского и немецкого литературного феномена, а не русского писателя.

История публикации первых европейских переводов «Преступления и наказания», романа, находившегося в центре русского ажиотажа, красноречиво говорит о провоцирующей роли Франции и Германии. Выход хенкелевского «Раскольникова» в 1882 году положил начало потоку переводов, набравшему силу в 1884 году с появлением французской версии («Le crime et le châtement»). По библиографическим сведениям, собранным вдовой писателя, менее чем за десять лет после появления немецкого перевода роман успел выйти на шведском (1883), датском (1884), норвежском (1884), нидерландском (1885), английском (1886), польском (1887), сербском (1888), венгерском (1889), финском (1889), греческом (1889) и итальянском (1889) языках (см. Достоевская 1906). Кроме того, Эджертон датирует первые хорватский и чешский переводы 1882–1884 годами, а первую украинскую версию – 1887 годом (см. Edgerton 1963 [p. 66]). Дополнить картину можно,

обратившись к библиотечным каталогам, которые позволяют датировать первые португальский и испанский переводы 1901 и 1903 годами соответственно.

Поскольку читательский образ того или иного автора зависит от того, как его преподносят критики, нельзя понять европейских представлений о Достоевском, не зная о «Русском романе» («Le roman russe») Вогюэ. Однако, как указывает Эвен-Зохар, переводы произведений писателя могут иметь еще большее значение для его кристаллизации в рецептивном сообществе (см. Even-Zohar 1990 [p. 45]). В этом смысле важно отметить, что литературы, обратившиеся к русским романистам после их триумфа в Германии и Франции, потребляли немецкие и французские переводные тексты, включая такие неадекватные переводы, как немецкий «Раскольников» («Raskolnikow», 1882) и французские «Братья Карамазовы» («Les frères Karamazov», 1888). В то же время литературы-последовательницы смело дополняли свой репертуар переводами из русской литературы собственного производства, которые часто оставались в обращении, когда уже французские и немецкие тексты были позабыты. Несмотря на их вклад в европейскую популяризацию Достоевского, эти переводы не стали предметом систематического изучения. Впечатляющие переводческие изменения, основания использованных стратегий перевода и их последствия для образа Достоевского остаются слепым пятном.

В «Дескриптивном переводе» Тури рекомендуется в первую очередь раскрывать нормы перевода, определяющие переводческую политику в отношении (не)прямого перевода (см. Toury 1995). На практике это может быть проблематично, поскольку сведения на титульной странице бывают минимальными или даже неверными. Информация в каталогах и библиографических списках также не всегда достоверна. Кроме того, нередко оригинальное заглавие переводится настолько неадекватно, что его невозможно распознать. Самый надежный способ установить (не)прямой характер перевода – сравнить переводной текст с соответствующим текстом-источником и возможными переводами-посредниками: если переводной текст и возможный перевод-посредник содержат схожие изменения относительно текста-источника, то можно предположить, в качестве рабочей гипотезы, что они генеалогически связаны. Применение этой методологии к подборке ранних переводов из Достоевского говорит о существовании весьма интересных закономерностей, которые представляют европейскую рецепцию русской литературы в новом свете.

Хотя ранние славянские переводы из Достоевского и были выполнены под влиянием успешного французского и немецкого опыта, эти тексты, например польская версия «Преступления и наказания» («Zbrodnia i kara», 1902) (Рис. 1), все же являлись переводами непосредственно с русского. Если библиографические данные, собранные Достоевской (1906 [p. 221, p. 242]), точны – а это, пожалуй, так, ведь издательство скорее выдаст вторичный перевод за прямой, чем наоборот, – то «Раскольников» (1888) Хенкеля послужил текстом-источником для первых норвежского и шведского переводов «Преступления и наказания» – «Raskolnikow» (1883) и «Raskolnikow» (1884) соответственно. Кроме того, дескриптивное исследование показало, что нидерландский перевод («Schuld en boete», 1885) был также выполнен преимущественно с немецкого языка, хотя и нес на себе незначительный след французского перевода («Le crime et le châtiment», 1884) (см. Boulogne 2011 [pp. 418-420]). Этот французский перевод, в свою очередь, послужил текстом-источником как минимум для пяти разных переводных текстов. В частности, второй нидерландский перевод («Een misdad», 1895) и первые итальянский («Il delitto e il castigo», 1889), португальский («Crime e Castigo», 1901), испанский («Crimen y castigo», 1903) и – что, должно быть, более удивительно – английский («Crime and Punishment», 1886) переводы «Преступления и наказания» обнаруживают схожие отклонения от оригинального текста Достоевского, которые можно объяснить лишь генеалогической связью.

Учитывая, что немецкий перевод «Преступления и наказания» («Raskolnikow», 1882) дает читателю смягченную версию сатирического изображения немцев у Достоевского, использование его как перевода-посредника привело к адаптированному образу поэтики писателя в северных странах, включая Швецию, Норвегию, Голландию и Фландрию. Более того, свой путь на европейские рынки переводов нашли названные выше адаптации Гальперина-Каминского и Мориса. Уже в 1887 году в Амстердаме появился анонимный перевод «Подпольного духа» («De onderaardsche geest», 1887). В следующем веке эта

французская амальгама из переводов также послужила текстом-источником как минимум для еще трех переводов: испанского («El espíritu subterráneo», дата не указана) (Рис. 2) и итальянских («Lo spirito sotterraneo», 1930; «Lo spirito sotterraneo», 1933). Кроме того, в Бразилии была выпущена (издательством «Erasa») португальская адаптация («O espírito subterrâneo», дата не указана). Этот текст также, по-видимому, представляет собой перевод «Подпольного духа» («L'esprit souterrain», 1886). Наконец, произведение, являющееся общепризнанным шедевром русской литературы, «Братья Карамазовы», было переведено на различные европейские языки по французской «неверной красавице»: не оригинальный открытый финал Достоевского, а адаптированный слащавый эпилог французской версии («Les frères Karamazov», 1888) обнаруживается по меньшей мере в пяти переводах: нидерландских «De gebroeders Karamazow» (1913) (см. Boulogne 2009) и «De gebroeders Karamazow» (дата не указана), итальянских «Il parricidio» (1892) и «I fratelli Karamazoff» (1929) и испанском «Los hermanos Karamazof» (дата не указана). Португальский перевод «Os irmãos Karamazoff» (1937) содержит значительно сокращенный эпилог, но эта версия также основана на тексте Гальперина-Каминского и Мориса.

Zbrodnia i Kara

Powieść w 2 tomach

T. M. Dostojewskiego

Z opowiadań spadkobierców autora przełożył

Rafał Ładyński.

Wydanie przejrzone i poprawione przez St. K.

TOM I.

ŁÓDŹ — WARSZAWA
Wydawnictwo i drukarnia L. Dostojewskiego i S-ki
Zachodnia 37
1902

Рис. 1. Титульная страница прямого польского перевода «Преступления и наказания»

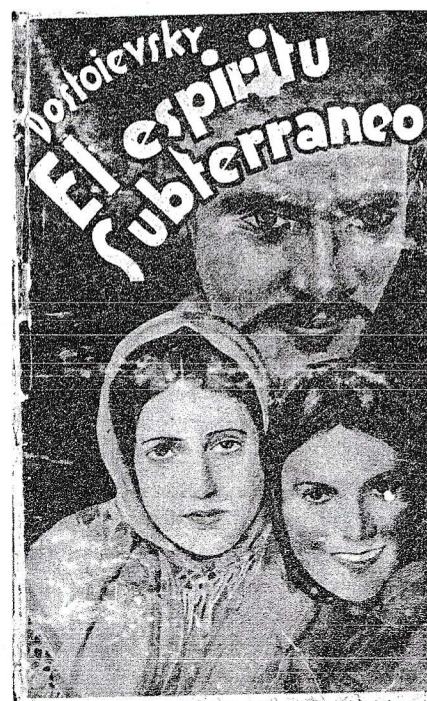

Рис. 2. Суперобложка вторичной испанской адаптации «Хозяйки» и «Записок из подполья»

Непрямой перевод, как было показано, служил господствующей переводческой нормой в большинстве неславянских литературных полисистем, ориентировавшихся на немецко-французскую моду на русский роман. Остается открытым вопрос: почему Достоевский систематически переводился по немецким и/или французским текстам, особенно учитывая, что некоторые из них были в значительной мере направлены на доступность? Разумеется, дело не в том, что эти литературы испытывали нехватку в переводчиках, способных переводить прямо с русского: если бы такая потребность была, то компетентных переводчиков нашли или обучили бы менее чем за десятилетие. Представляется, скорее, что литературы-последовательницы интересовал не столько Достоевский как русский писатель, сколько повторение его успеха в качестве продукта немецкой и/или французской литературы. Не русские оригиналы, а онемеченные и офранцузженные версии неистово превозносились и продавались во Франкфурте, Лейпциге, Берлине и Париже. Поскольку эти переводы уже были профильтрованы, отшлифованы и одобрены для западных рынков, они

благополучно становились текстами-источниками. Так, португальский критик Магальяеш Лима прямо рекомендовал португальским переводчикам использовать французские переводы в качестве текстов-посредников (см. Edgerton 1976 [p. 54]). Этому совету охотно следовали, причем не только на первой стадии «наплыва» русской литературы: поздний португальский перевод «Преступления и наказания» («Crime e castigo», 1946) был также выполнен по французской версии («Le crime et le châiment», 1884). Очевидно, что европейское открытие русского романа отнюдь не шло рука об руку с заботой об адекватности перевода.

4. Заключение: покорение русского романа Европой

Заманчиво думать, будто русский роман вошел во всемирный канон благодаря его сугубо литературным качествам, однако пример Достоевского показывает, что это только часть объяснения. Лишь когда европейские литературы-инициаторы столкнулись с кризисом в 1880-е годы, Достоевскому было наконец уделено значительное внимание за пределами России. Однако на первом этапе он был интересен в той мере, в какой мог быть использован в качестве новаторской литературной модели для нейтрализации литературного кризиса. В то же время существовал прочный консенсус относительно того, что некоторые поздние произведения Достоевского и некоторые особенности его творчества оставляли желать лучшего. Как показывают паратексты Хенкеля и Гальперина-Каминского, эта критическая избирательность побудила немецких и французских переводчиков привнести существенные макроструктурные и микротекстовые изменения в их переводы, которые нивелировали эти неприятные моменты. В этом смысле немецкие и французские критики и переводчики внесли коллективный вклад в конструирование Достоевского как мрачного поборника униженных и оскорбленных.

Благодаря его блестящему литературному и коммерческому успеху в центральных – немецкой и французской – литературных полисистемах, в последние десятилетия XIX века Достоевский был замечен и другими европейскими литературами. Однако было бы ошибкой считать, будто его везде ценили одинаково. Например, в нидерландской литературной полисистеме его авторитет был до Первой мировой войны весьма ограничен (см. Boulogne 2011 [pp. 385-397]), да и в Англии «он не был широко читаемым автором <...> до момента публикации «Братьев Карамазовых» в 1912 году» (Muchnic 1939 [p. 9]). В соответствии с его большим или меньшим авторитетом, он наделялся неодинаковой ролью в литературах-инициаторах, с одной стороны, и, с другой, в литературах-последовательницах, для которых главным стимулом к знакомству с произведениями Достоевского была, в конечном счете, межсистемная имитация. В периферийных европейских литературах Достоевский изначально выполнял функцию не инновации, а скорее консервации: он был использован для подтверждения давнего доминирования немецкой и французской литературных моделей.

Вследствие того, что Достоевский привлекал европейские литературы-последовательницы, прежде всего как успешный продукт немецкой и французской литератур, немецкие и французские переводы и критики, популяризовавшие его в литературах-инициаторах, играли главную роль в его неоднородном европейском восприятии: Вогюэ был бесспорным авторитетом для всей Европы, и Достоевского систематически переводили на самые разные языки через посредство французского и/или немецкого языков. Второй эффект этой субординации состоял в том, что некоторые литературы-последовательницы находились, по крайней мере на первом этапе, в порочном круге: не зная русского языка, критики полагались на суждения Вогюэ и на существующие переводы, а переводчики, также не владевшие русским, опирались на французские и/или немецкие переводы. Учитывая, что наиболее успешные немецкие и французские тексты-посредники, особенно немецкий «Раскольников» (1882), французский перевод «Преступления и наказания» (1884), «Подпольный дух» (1886) и французская версия «Братьев Карамазовых» (1888), были более или менее нацелены на доступность, литературы-последовательницы, переводившие эти тексты, были как бы отрезаны от русского Достоевского. Именно поэтому некоторые его важнейшие особенности: философские устремления, неpolitкорректная сатира, полифонический стиль письма – долгое время оставались в тени, заслоненные его предполагаемыми филантропией и психологическими прозрениями.

Если принять во внимание специфическую идеологию Вогюэ и впечатляющие изменения во французских переводах, на которых лежит ответственность за европейское открытие Достоевского, то уже нельзя будет представлять французский ажиотаж вокруг русского романа в 1880-е годы как реванш русских за наполеоновское вторжение. Скорее метафору нужно перевернуть: этот ажиотаж предстает как месть французов за поражение Наполеона, поскольку, как следует из вышесказанного, ранняя европейская рецепция русского романа во многом была редуцирована до его французской аннексии. В этом отношении необходимо сделать два заключительных замечания. Во-первых, с этой аннексией связана, пусть лишь отчасти, также и рецепция Достоевского в Северной и Южной Америке, поскольку ряд переводов и критических работ, появившихся во Франции, Англии, Испании и Португалии, переводились, публиковались, читались и/или обсуждались по ту сторону океана. Во-вторых, остается неясным, подверглись ли другие русские романисты, принесенные в Европу на той же волне, что и Достоевский, подобной масштабной манипуляции. Это еще предстоит выяснить в будущих дескриптивно-переводоведческих исследованиях.

БІБЛІОГРАФІЯ

1. Boulogne 2009 – Boulogne P. The French Influence in the Early Dutch Reception of F.M. Dostoevsky's «Brat'ja Karamazovy» // Babel. 2009. Vol. 55. № 3. Pp. 264–284.
2. Boulogne 2011 – Boulogne P. Het temmen van de Scyth: De vroege Nederlandse receptie van F.M. Dostoevskij. Amsterdam: Pegasus, 2011.
3. Boulogne 2012 – Boulogne P. Vers la construction d'un Dostoïevski monophononique: Hétéroglossies et langage écorché dans les traductions néerlandaises d'avantguerre des oeuvres de Dostoïevski // Canadian Review of Comparative Literature. 2012. Vol. 39. № 1. Pp. 47–62.
4. Boulogne 2015 – Boulogne P. Europe's Conquest of the Russian Novel. The Pivotal role of France and Germany. // Eds. Pieta, Hanna & Seruya, Theresa. IberoSlavica, A Peer-Reviewed Yearbook of the International Society for Iberian-Slavonic Studies. Special Issue: Translation in Iberian-Slavonic Exchange. Pp. 167–191. См. https://issuu.com/clepul/docs/iberoslavica_special_issue (дата доступа: 4 ноября 2017 г.).
5. Boulogne 2016 – Boulogne P. Champion of the Humiliated and Insulted or Xenophobe Satirist? Dostoevsky's Mockery of Germans in early translation / Eds. Van Doorslaer, Luc, Flynn, Peter & Leerssen, Joep. Interconnecting Translation and Imagology. [= Benjamins Translation Library 119] John Benjamins. Pp. 109–125.
6. Достоевская 1906 – Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф.М. Достоевского, собранных в «Музее памяти Ф.М. Достоевского» в Московском Историческом Музее имени Императора Александра III. 1946–1903 / Сост. А. Достоевская. СПб.: Типография П.Ф. Пантелеева, 1906. См.: <http://smalt.karelia.ru/~filolog/agdost/texts/biblhttp://www.fedordostoevsky.ru/memories/relatives/005/> (дата доступа: 4 ноября 2017 г.).
7. Edgerton 1963 – Edgerton W.B. The Penetration of Nineteenth-Century Russian Literature into the other Slavic Countries // American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists. Sofia, September 1963. Vol. II: Literary Contributions. The Hague: Mouton & Co., 1963. Pp. 41–78.
8. Edgerton 1976 – Edgerton W.B. Tolstoy and Magalhães Lima // Comparative Literature. 1976. Vol. 28. № 1. Pp. 51–64.
9. Even-Zohar 1979 – Even-Zohar I. Polysystem Theory // Poetics Today. 1979. Vol. 1. № 1/2. Pp. 287–310.
10. Even-Zohar 1990 – Even-Zohar I. Polysystem Studies. Tel Aviv: The Porter Institute for Poetics and Semiotics – Durham: Duke University Press, 1990.
11. Frank 1997 – Frank J. Dostoevsky: The Seeds of Revolt: 1821–1849. Princeton: Princeton University Press, 1997.
12. Halpérine-Kaminsky 1929 – Halpérine-Kaminsky E. Comment on a dû traduire Dostoïevsky // Th. Dostoïevsky. L'esprit souterrain, 1886. pp. I–XXVIII.
13. Halpérine-Kaminsky 1932 – Halpérine-Kaminsky E. Préface // Th. Dostoïevsky. Les frères Karamazov, 1888. Pp. 13–14.
14. Hemmings 1950a – Hemmings F.W.J. Dostoevsky in disguise. The 1888 French version of «The Brothers Karamazov» // French Studies. A Quaterly Review. Vol. IV. Oxford: Basil Blackwell, 1950. Pp. 227–238.
15. Hemmings 1950b – Hemmings F.W.J. The Russian Novel in France: 1884–1914. L.: Oxford University Press, 1950.
16. Henckel 1882 – Henckel W. Vorwort des Übersetzers // F.M. Dostojewskij, Raskolnikow, 1882. Pp. v–viii.
17. Moe 1981 – Moe V.I. Deutscher Naturalismus und Ausländische Literatur. Zur Rezeption der Werke von Zola, Ibsen und Dostojewski durch die deutsche Naturalistische Bewegung (1880–1895). Dissertation, Philosophische Fakultät der Rheinisch-Westfälischen Technischen Hochschule Aachen, 1981.
18. Muchnic 1939 – Muchnic H. Dostoevsky's English Reputation (1881–1936). Northampton: Smith College, 1939.
19. Nietzsche 1984 – Nietzsche F. Briefe von Friedrich Nietzsche. Januar 1887 – Januar 1889 / Eds. G. Colli, M. Montinari. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 1984. P. 75.
20. Toury 1995 – Toury G. Descriptive Translation Studies and Beyond. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1995.
21. Vogüé 1886 – Vogüé E.M. de. Le roman russe. P.: Plon, 1886.

22. Waldmüller 1885 – Waldmüller R. Ein Russischer Roman // «Die Brüder Karamasow». Blätter für literarische Unterhaltung. Pp. 566–568.

23. Zabel 1884 – Zabel E. Porträts aus dem russischen Literaturleben // Unsere Zeit. Deutsche Revue der Gegenwart. Neue Folge. Heft 19. Pp. 332–346.

Приложение: список переводов

1) Нидерландские переводы

- 1885 Dostojewsky, F.M. *Schuld en boete*. 's Gravenhage: A. Rössing. Vert. Petros Kuknos.
 1888 Dostojewsky F. M. *De onderaardsche geest. Russische roman*. Amsterdam: A. Rössing. Vert. F. van Burchvliet.
 1891 Dostojefsky F.M. *Uit Siberië*. Amsterdam: S. Warendorf Jr.
 1895 Dostojewsky, F. *Een misdaad. Russische roman*. [Amsterdam]: Het Volksdagblad.
 1913 Dostojefsky, F.M., *De gebroeders Karamazow*. Amsterdam: Van Holkema & Warendorf. Vert. Anna van Gogh-Kaulbach.
 <?> Dostojewsky, F.M. *De gebroeders Karamazow*. Amsterdam: Hollandsch Uitgeversfonds. [ок. 1930].

2) Английские переводы

- 1886 Dostoyevsky, Feodor. *Crime and Punishment. A Russian Realistic Novel*. London: Vizetelly. Translated by F. Whishaw.

3) Французские переводы

- 1884 Dostoïevsky, Th. *Le crime et le châtement*. P.: Plon. Trad. par Victor Derély.
 1886 Dostoïevsky, Th. *L'esprit souterrain*. P.: Plon. Traduit et adapté par E. Halpérine-Kaminsky & Ch. Morice.
 1886 Dostoïevsky, Th. *Souvenirs de la maison des morts*. P.: Plon. Traduit du russe par M. Neyroud.
 1888 Dostoïevsky, Th. *Les frères Karamazov*. P.: Plon. Traduit et adapté par E. Halpérinsky & Ch. Morice.

4) Немецкие переводы

- 1882 Dostojewskij, F.M. *Raskolnikow*. Leipzig: Friedrich. Übersetzt von Wilhelm Henckel.
 1890 Dostojewski, F.M. *Erniedrigte und Beleidigte*. Berlin: Verlag von Otto Janke. Aus dem Russischen übersetzt von L.A. Hauff.

5) Итальянские переводы

- 1889 Dostojewski, F. *Il delitto e il castigo (Raskolnikoff)*. Romanzo. Milano: Fratelli Treves.
 1892 Dostojewski, Teodoro. "Il parricidio" Trad. da F. Verdinois. *Mattino*. 30 maggio 1892 (a. I, n.75) – 24 settembre 1892.
 1929 Dostoyewsky, Feodor. *I fratelli Karamazoff*. Romanzo. Milano: Fratelli Treves.
 1930 Dostojewski, Feodor. *Lo spirito sotterraneo*. Romanzo. Traduzione dal russo di Leo Gastovinski. Milano: Bietti.
 1933 Dostojewski, Feodor. *Lo spirito sotterraneo*. Romanzo. Traduzione dal francese di Decio Cinti. Milano: Sonzogno.

6) Польский перевод

- 1902 Dostojewski. *Zbrodnia i Kara. Powieść w 2 tomach*. Łódź-Warszawa: K. Brzozowski. Przełożył Bolesław Londyński. Wydanie przejrane i poprawione przez St. K.

7) Португальские переводы

- 1901 Dostojewsky. *Crime e castigo*. Lisboa: Tavares Cardoso & Irmão. Tradução de Camara Lima.
 <?> Dostoïevsky, Th. *Os Irmãos Karamazoff*. Pôrto: Progredior. Revisão de A. Augusto dos Santos.
 <?> Dostojewski. *O espírito subterrâneo*. Novela. Tradução de Rosário Fusco. Rio: Epasa.
 1946 Dostojewsky. *Crime e castigo*. Tradução de A. Augusto dos Santos. Porto: Progreditor.

8) Испанские переводы

- 1903 Dostoyewski, Fedoro. *Crimen y castigo*. Barcelona: Maucci. Traducción by Eusebio Heras.
 <?> Dostoyewski, Fedoro. *El espíritu subterraneo*. Barcelona: Maucci. [ок. 1920] Adaptación castellana por Mario Verdaguer.
 <?> Dostoyevsky, T. *Los hermanos Karamazof*. Barcelona: Maucci. Traducción de Francisco Cañadas.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Пітер Булонь – доктор наук, професор, викладає російську літературу та граматику російської мови в університеті м. Льовен, Бельгія.

Наукові інтереси: російська література, російська мова, історія Росії.

УДК 811.111'25:821

РОЛЬ СИМВОЛІВ ТА РЕАЛІЙ ПРИ ВІДТВОРЕННІ ОБРАЗУ В ПОЕТИЧНОМУ ПЕРЕКЛАДІ

Галина ВАСИЛЕНКО (Запоріжжя, Україна)

У статті розглядається питання відтворення етнокультурних символів у поетичному перекладі. Дослідження проведено на матеріалі першотворів та англійських перекладів української лірики другої половини ХХ століття, а також залучено інформацію довідникових джерел. На основі зіставного аналізу виявлено особливості відтворення традиційних українських символів та їх провідну роль у